

Лейкин Николай Александрович

Счастливец. Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Счастливец. Роман / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 230 с.

ISBN 978-5-519-92969-1

ISBN 978-5-519-92969-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Счастливецъ.

I.

ВЯТЬ покойнаго пожилой купецъ-погребщикъ Иванъ Ивановичъ Накатовъ, стараясь держать бумагу какъ можно ближе къ лампѣ, сквозь серебряныя очки съ круглыми стеклами читалъ вслухъ:

...„и долженъ признать передъ Богомъ и людьми, что находящійся у меня на службѣ въ приказчикахъ пріемышъ мой угличскій мѣщанинъ Полиевѣтъ Антоновъ Тупицынъ есть мой побочный сынъ, а потому и завѣщаю ему все мое движимое и недвижимое имущество“...

Присутствующіе при чтеніи духовнаго завѣщанія быстро переглянулись между собой. Накатова сейчасъ-же ударило въ потъ.

— Какъ? Какъ, Иванъ Ивановичъ?—воскликнула жена Накатова и сестра покойнаго Пелагея Васильевна, блѣдная и дрожа губами.

— Да вотъ сейчасъ... Постой... „Завѣщаю ему все мое движимое и недвижимое имущество, заключающееся“...

— Это то-есть кому-же?—опять перебила своего мужа Накатова.

Тотъ отдувался, развелъ рукой, пожималъ плечами. Онъ еле могъ говорить и, заикаясь, отвѣчалъ:

— Да приказчику, стало быть... Поліевету, приказчику... Ну, приемышу...

— То-есть все, все до капельки?.. Нѣтъ, этого я не позволю... Тутъ что-нибудь не такъ... Тутъ сфальшивили. Я родная сестра покойнаго брата Генадія...

— И мы не позволимъ!—возвысила голосъ двоюродная сестра—сухая пожилая дѣвица въ черномъ суконномъ платьѣ и таковомъ-же платѣ, надѣтомъ на голову.—Гдѣ-же это видано, чтобы приемышу, приказчику!.. Просто мальчишѣ.

— Изволите-ли видѣть, покойный хозяинъ Генадій Васильчъ признается, что Поліеветъ незаконный сынъ ихъ,—произнесъ сидѣвшій тутъ-же старшій приказчикъ умершаго Малюхина Вавила Андреевичъ Курносовъ.—Про это-то происшествіе мы ужъ, признаться сказать, давно замѣчали.

— Да намъ-то какое до этого дѣло!—заеричала Пелагея Васильевна Накатова.—Онъ-бы еще себѣ сотню незаконныхъ ребятъ народилъ! Незаконныя дѣти не считаются.

— Позвольте, господа... На то воля покойнаго...—произнесъ чернобородый судебный приставъ, сидѣвшій также около стола, и придвинулъ къ себѣ портфель съ металлическимъ замкомъ.

— Фу!—отдулся Накатовъ и прибавилъ:—Вотъ дѣла-то!..

Потъ съ него лилъ градомъ. Онъ вынулъ изъ кармана носовой платокъ и отиралъ лицо, лысину.

— Но намъ-то, что-же намъ-то тогда?—приставала двоюродная сестра въ черномъ платкѣ.

— Да что-же ужъ тутъ, коли все свое движимое и недвижимое... Впрочемъ, надо дочитать.

Накатовъ протянулъ бумагу еще ближе къ лампѣ, но очки его отъ издаваемой имъ испарины запотѣли и ему пришлось протереть ихъ.

— Вѣдь это чортъ знаетъ что такое!—воскликнула Накатова.—Какому-то незаконному сыну! Кто докажетъ теперь, что онъ его сынъ! Гдѣ доказательства?

Накатовъ продолжалъ читать:

... „все движимое и недвижимое мое имущество, заключающееся въ домахъ, лавкахъ, товарѣ, векселяхъ, процентныхъ бумагахъ, деньгахъ, какъ находящихся въ кассѣ, такъ и лежащихъ на текущемъ счету, носильномъ платьѣ, шубахъ, посудѣ, серебрѣ и тому подобномъ“...

— Но вѣдь это разбой!—опять крикнула Накатова.

— Хуже. Это можетъ только сумасшедшій сдѣлать,—отвѣчала двоюродная сестра.—Да онъ и былъ сумасшедшій. Я даже замѣчала, что онъ сумасшедшій. Оттого онъ весь свой вѣкъ холостымъ и слонялся, оттого скоропостижно и умеръ.

Приказчикъ Вавила Курносовъ пожалъ плечами и спросилъ Накатова:

— Да неужели они вамъ-то, Иванъ Ивановичъ, ничего?

Тотъ опять развелъ руками и, запинаясь, отвѣчалъ:

— Да почему-же я-то знаю! Я съ тобой вмѣстѣ сижу! Надо дочитать. Можетъ-быть тамъ и есть какія-нибудь крохи.

— Старый грѣшникъ!—воскликнула двоюродная сестра.—За это Богъ и скоропостижной смертью его наказалъ.

— Отъ тучности померли... Прямо отъ тучности... Вѣдь ужъ два раза ихъ къ землѣ пригибало... Одинъ разъ въ лавѣхъ верхней лежащимъ на полу нашли... Нужно-бы было къ доктору, а они сегодня да завтра...—говорилъ Вавила Курносовъ.

Накатовъ собрался съ силами и продолжалъ читать духовное завѣщаніе:

— „А наслѣднику моему Поліевкту Тупицыну завѣщаю также и прошу исполнить его мою послѣднюю волю такъ: выдать три тысячи на монастыри по его усмотрѣнію, дабы это было на поминъ моей души, а также по три тысячи и слѣдующимъ лицамъ: находящемуся у меня на службѣ вѣрстѣянину Ярославской губерніи, Рыбинскаго уѣзда, деревни Полюхиной Вавилѣ Андреевичу Курносову“.

Лицо приказчика Курносова просіяло.

— Вспомнилъ, дай Богъ ему царство небесное!—произнесъ онъ и перекрестился.

— „Сестрѣ моей Пелагеѣ Васильевнѣ по мужу Накатовой...—продолжалъ Накатовъ.

— Сколько?—быстро спросила Накатова.

— Да только три тысячи.

— Только три тысячи? Не возьму я этихъ денегъ! Ни за что не возьму. Пусть ими на томъ свѣтѣ подавится! Какому-то приемышу все свое состояніе, а родной единоутробной сестрѣ три тысячи! Нѣтъ, ужъ это курамъ на смѣхъ!

— „Двоюродной сестрѣ моей, дочери покойнаго брата Анисима, петербургской мѣщанкѣ дѣвицѣ Лукерѣ Анисимовнѣ Малюхиной“...

— Сколько?—спросила Малюхина, откинувъ съ головы черный платокъ.

— Тоже три тысячи...—отвѣчалъ Накатовъ.

— Ну, и за это спасибо. Впрочемъ, я больше ожидала. Могъ-бы больше на мое сиротство.

— Двоюродной три тысячи и родной три тысячи! Гдѣ-же тутъ справедливость!—воскликнула Накатова.—Но приемышу... Нѣтъ, нѣтъ!.. Это завѣщаніе писалъ полоумный старикъ. Все?—спросила она мужа.

— Все. Теперь свидѣтели идутъ, которые были при завѣщаніи,—отвѣчалъ тотъ, положилъ бумагу на столъ и отдувался, отирая со лба платкомъ потъ, но черезъ минуту ударилъ по бумагѣ ладонью и, вскочивъ со стула, крикнулъ:—Нѣтъ, это завѣщаніе подложно!

— Да конечно-же подложно!—подхватила жена, тоже поднимаясь съ мѣста.

— Позвольте... Какъ-же подложно?.. Духовное завѣщаніе это нотаріальное, оно составлено нотаріусомъ...—сказалъ судебный приставъ.

— Что вы мнѣ толкуете! Развѣ нотаріальныхъ фальшивыхъ не бываетъ!—отрѣзалъ Накатовъ и быстро заходилъ по комнатѣ.

Бѣгала изъ угла въ уголъ и жена его.

— Наслѣдникъ здѣсь живетъ, въ этой квартирѣ?—спрашивалъ судебный приставъ приказчика.

— Здѣсь, здѣсь. Онъ въ приказчицкой комнатѣ.

— Такъ попросите его пожалуйста сюда. Я нахожу, что мнѣ нечего и охранять движимое имущество послѣ такого духовнаго завѣщанія. Зачѣмъ печати накладывать на мебель, если самъ наслѣдникъ здѣсь. Онъ совершеннолѣтній?

— Да, да... Совершеннолѣтній.

— Ну, такъ вотъ мы передадимъ ему духовное завѣщаніе для предъявленія въ судъ и дѣло съ концомъ. Прошу позвать его.

Курносовъ побѣжалъ въ приказчицкую комнату.

II.

ПРИКАЗЧИЦКІЯ комнаты, всегда переполненные по вечерамъ приказчиками, послѣ смерти владѣльца лавки Генадія Васильевича Малюхина вотъ уже нѣсколько дней пустовали. Лавка была опечатана и приказчики въ полнѣйшей неизвѣстности, кому достанется торговля, кто гу-

лялъ по разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ, кто подыскивалъ себѣ новое мѣсто. Когда старшій приказчикъ Курносовъ вбѣжалъ въ приказчицею за наслѣдникомъ Малюхина Полиевкомъ Тупицынымъ, Тупицынъ при свѣтѣ маленькой лампочки игралъ въ шашки съ артельщикомъ. Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати двухъ, маленькій, жиденькій, бѣлокурый, нѣсколько прыщавый, съ еле пробивающейся бородкой и усиками. Онъ былъ въ простенькомъ, продающемся на рынкѣ за три—четыре рубля, халатикѣ нараспашку и дымилъ папироской. Черный съ красными полосками галстукъ, надѣтый на Тупицынѣ, и бронзовая ярко начищенная часовая цѣпочка на жилетѣ, прическа à la капуль — доказывали, что Тупицынъ не безъ претензіи на франтовство. Курносовъ вбѣжалъ въ комнату и воскликнулъ:

— Дуракъ! Совсѣмъ дуракъ! Эдакое ему счастье привалило, а онъ сидитъ и самымъ спокойнымъ манеромъ въ шашки играетъ!

Тупицынъ, только что вышедшій шашкой въ дамки, уперъ въ эту шашку указательнымъ пальцемъ и, обратясь къ Курносову, равнодушно спросилъ:

— Какое счастье?

— Да вѣдь ты счастливецъ! Тебѣ Генадій Васильичъ отказалъ все свое состояніе!

— Ну, что ты врешь! — улыбнулся Тупицынъ.

— Да вѣрно, вѣрно. Вѣдь духовная есть... Сейчасъ читали духовную. Ее въ желѣзномъ шкату нашли. Все, все свое состояніе тебѣ.

Счастливецъ.

— Да полно брехать!—махнулъ рукой Тупицынъ и сказалъ артельщику:—Ну, ходи.

— Полюеветъ Антонычъ! Да что ты въ самомъ дѣлѣ, какъ истуванъ вакой! Я вѣдь за тобой пришелъ. Пойдемъ скорѣй въ гостиную. За тобой судебный приставъ прислалъ. Онъ передастъ тебѣ духовное завѣщаніе.

И Курносовъ схватилъ Тупицына за руку и сталъ его тащить со стула. Тотъ упирался.

— Шутись...—говорилъ онъ.—Знаю я эти шутки-то... У покойника папеньки сестра родная есть. Очень чудесно я понимаю, что все Пелагеѣ Васильевнѣ и ея мужу.

— Врешь. Въ томъ-то и дѣло, что тебѣ. Въ духовномъ завѣщаніи онъ тебя называетъ своимъ сыномъ... Настоящимъ сыномъ, а не приемышемъ.

Тупицынъ вспыхнулъ и отвѣчалъ:

— Ну, такъ что-жъ изъ этого? Онъ это мнѣ и при жизни разъ сказалъ, а насчетъ состоянія—ахъ, оставьте. Не таковский онъ... Знаю я его... Пелагеѣ Васильевнѣ—вотъ кому все.

— Да тебѣ, тебѣ... Идемъ-же со мной... Судебный приставъ требуетъ... Сейчасъ прочтешь!

Тупицынъ вспыхнулъ еще болѣе, поднялся съ мѣста и спросилъ:

— Да сколько-же онъ мнѣ оставилъ? Ты говори толкомъ, Вавила Андреичъ.

— Все, все... Понимаешь-ли ты, все свое состояніе, Пелагеѣ Васильевнѣ только три тысячи. Идемъ скорѣй!

— Вотъ такъ шутка!—воскликнулъ артельщикъ.—
Поздравляю, Поліевѣтъ Антонычъ!

— Да онъ вретъ. Слушай его! Онъ наскажетъ...—
отвѣчалъ Тупицынъ, сбрасывая съ себя халатъ и
облекаясь въ пиджакъ.

— Провалиться на этомъ мѣстѣ, все свое состоя-
ніе!—влялся Курносовъ.—„Признаю, говорить, за
сына и все мое движимое и недвижимое имущество
ему“.

— Не врешь, такъ правда... Вѣрно три тысячи
мнѣ... Вотъ этому я повѣрю. Не Пелагеѣ Васильевнѣ
три тысячи-то, а мнѣ. Ну, а ей все... Что-жъ, и за
это спасибо старику, я и этого не ожидалъ.

Надѣвъ на себя пиджакъ, Тупицынъ остановился
передъ зеркаломъ и сталъ причесываться гребеш-
комъ.

— Да полно тебѣ лакъ-то на фizioномію наво-
дить! Попа и въ рогожѣ знаютъ. Пойдемъ!

Курносовъ схватилъ Тупицына за руку и пота-
щилъ вонъ изъ приказчицкой, бормоча: „Эдакое
счастье человѣку! Эдакое счастье! А онъ еще ко-
бенится!“

Когда Курносовъ привелъ Тупицына въ гостиную
и указалъ на него судебному приставу, судебный
приставъ спросилъ:

— Вы угличскій мѣщанинъ Поліевѣтъ Антоно-
вичъ Тупицынъ?

— Точно такъ-съ,—отвѣчалъ Тупицынъ, застѣн-
чиво поклонившись.

— Вотъ вамъ духовное завѣщаніе покойнаго

купца Генадія Васильевича Малюхина. Здѣсь онъ дѣлаетъ васъ наслѣдникомъ всего своего движимаго и недвижимаго имущества.

— Да что вы, ваше высокоблагородіе!..

Тупицынъ попятился.

— Берите, берите-же духовное завѣщаніе и завтра-же предъявите его въ судъ, — повторилъ судебный приставъ.

Тупицынъ робко взялъ бумагу и съ какой-то странной усмѣшкой посмотрѣлъ то на Курносова, то на судебного пристава, то на пожилую дѣвицу Лузерью Анисимовну Малюхину. Наконецъ, онъ протянулъ приставу руку и сказалъ:

— Ну, спасибо, коли такъ...

Въ это время Курносовъ бросился на шею къ Тупицыну и, цѣлуя его, говорилъ:

— Ну-съ, Поліевѣтъ Антонычъ, поздравляю, отъ души поздравляю съ такимъ превеликимъ счастьемъ! Думалъ-ли ты, воображалъ-ли ты, что тебѣ эдакое счастье съ неба свалится!

— Погоди поздравлять-то! Можетъ быть еще намель сядетъ! Я положительно считаю это духовное завѣщаніе незаконнымъ, подложнымъ! — раздался мужской голосъ изъ глубины еомнаты.

— Конечно-же фальшивое завѣщаніе. Въмѣсто наслѣдства-то малаго могутъ и соболей ловить послать, — поддакнулъ женскій голосъ. — Опоили старика, одурманили да и заставили подписать!

Тупицынъ взглянулъ и увидалъ Ивана Ивановича и Целагею Васильевну Накатовыхъ, сидящихъ въ